

АРТЕМ СУХАНОВ

ПОХМЕЛЬЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Артем Суханов

Похмелье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48723398

SelfPub; 2019

Аннотация

Я и сам до конца не знаю, о чем эта книга. Но мне очень хочется верить, что она не про алкоголь. Тем более хочется верить, что она совсем не про общепит. Мне кажется, что эта книга про тех и для тех, кто всеми силами пытается найти свое место. Для тех, кому сейчас грустно или очень грустно было когда-то. Мне кажется, что эта книга про многих из нас. Содержит нецензурную брань.

Время 10:00

Я проснулся. Спасибо хоть на этом. Хотя какое уж тут спасибо, учитывая, как я себя чувствовал.

По какой-то счастливой случайности я вчера вспомнил, что надо завести будильник на телефоне. Он прозвенел, разбудив меня самым противным звуком на свете.

Просыпаться не особо хотелось. Но вряд ли это и сном можно было назвать. Какие-то нелепые конвульсии в холодном вперемежку с горячим потом. Просыпаться не особо хотелось, но надо было. Я не помнил, какой сегодня день: когда беспробудно пьешь, они мелькают один за другим. Я помнил только то, что мне надо было на работу, потому что до этого два дня я туда не ходил.

Я приподнял уставшее с самого утра тело и сел на диване, наступив на бутылку, которая с грохотом покатила по комнате и повалила другие. Голова закружилась, руки немного дрожали и тряслись. Виски запульсировали, в глазах потемнело – это нормально, скоро должно пройти.

Я не знаю, сколько дней подряд пил. Окинул взглядом комнату и посчитал бутылки. Наверное, дней 5 или 6. Голова до сих пор кружилась, но хотелось курить. Я знал, что станет еще хуже, но не курить я тоже не мог. Кроме сигареты, на завтрак, скорее всего, ничего не было.

Достал пачку из-под дивана и затянулся. Поборол рвотный рефлекс и продолжил курить, справившись с ним еще

пару раз за сигарету. Было противно, но курящий человек не всегда курит, потому что хочет.

В глазах потемнело еще сильнее. Япил 5 или 6 дней и не знал, когда это все закончится. Хотелось пить. Даже простая мысль об обычной воде казалась мне отвратительной. Еще раз посмотрел на пустые бутылки. В тех, которые стоят, возможно, еще что-то осталось.

Я перебрал несколько, и примерно восьмая по счету была потяжелее остальных. Она была почти горячей, как и ее содержимое, но меня это не сильно волновало.

Только на секунду остановился. Я понимал, что если сделаю хотя бы один глоток, то дальше мне придется пить весь день. 5 или 6 дней я не мог остановиться, и если выпью снова, то вряд ли сегодня будет исключением.

Если я потерплю без алкоголя, выдержу еще несколько рвотных рефлексов в ближайшие пару часов, прохожу большую часть дня в состоянии, близком к смерти, то к вечеру смогу более-менее соображать. Был выбор, и я его сделал. Очень легко.

Я уверенно сделал большой глоток теплого, почти без газов, напитка. Тепло из бутылки растеклось по всему усталому телу, дойдя до кончиков пальцев ноги. Внутренности задрожали от удовольствия и спокойствия. Сердце застучало в радостном, довольном ритме, руки ненадолго перестали дрожать. Я как будто оказался дома после долгих скитаний, хоть я и так в нем был, если не учитывать, что дом мой был

немного съемным.

Я сделал выбор. Хоть его и не было на самом деле. После пяти или шести дней алкоголь вливается в тебя, особо не спрашивая разрешения. Входит в твой дом, тело, душу. Как мент или врач – не разуваясь и даже не надевая бахилы.

Я опять напился до состояния «уснуть в одежде». Наверное, ночью меня просто вырубил, а может, просто не видел смысла раздеваться. Как и заправлять-расправлять диван. Даже не помню, когда в последний раз это делал и видел его разобранным. Наверное, с того момента, как она ушла.

В том, чтобы уснуть в одежде, были даже плюсы: можно быстро собраться на работу. В принципе, я уже был готов. На футболке осталось пятно от пролитого пива. На улице светило солнце, так что оно скоро должно высохнуть.

Нужно было идти. Ходить на работу мне не особо нравилось, а в сегодняшнем состоянии тем более. Я знал, что впереди меня ждал очень тяжелый день, и я вряд ли мог с этим что-то поделать – теплое пиво продолжало вливаться. Я сделал еще один глоток, который чуть не вылез обратно. Пока хватит.

Я подошел к двери, воткнул ноги в кеды и посмотрел в зеркало. Да, меня определенно ждал очень тяжелый день...

Напоследок окинул взглядом комнату, бутылки валялись в безупречно прекрасном беспорядке. Ей бы это точно не понравилось. Не знаю, мне казалось, что они создают уют.

Я еще раз посмотрел на бутылки и повернулся к двери с

надеждой поскорее вернуться домой.

Посмотрел в глазок, чтобы убедиться, что в подъезде никого нет. Не знаю зачем, так как-то спокойнее. Вышел.

Закрыл дверь и нажал на кнопку, чтобы позвать лифт. Состояние было паршивое. Казалось, что он как будто специально едет очень медленно, проверяя меня на стойкость. Сил бороться с ожиданием было немного, но я боролся. Облокотился рукой на стену и схватился за голову. Казалось, что, если я смогу доехать до первого этажа, – это уже будет большим подвигом, а впереди меня ждал еще целый день на работе. Очень тяжелый день.

Успокаивала мысль о том, что на работе не было проблем с алкоголем, и не было проблем с теми, кто этот алкоголь сможет налить. Проблемы с алкоголем, по всей видимости, были только у меня. По крайней мере, она постоянно так говорила. Зачем-то постоянно напоминала о том, что я и так прекрасно знал.

Лифт привез меня вниз. Нужно было зайти в магазин: купить жвачку и чего-нибудь попить. Я не мог понять воняет от меня перегаром или нет. Но после 5 или 6 дней беспробудного пьянства вряд ли от меня могло пахнуть чем-то другим.

Я вчера здесь был, точно помню. Магазин круглосуточный и после 12 ночи в нем продавался в основном, алкоголь.

Когда я вошел, продавщица посмотрела на меня странным взглядом. Мне почему-то показалось, что она меня ненавидит.

Точно не знаю, сколько раз я вчера сюда заходил. Помню, что начал с коньяка, а продолжил бесконечным количеством пива, каждый раз доказывая самому себе, что эта бутылка будет последней. Наверное, заходил сюда еще много раз. Просто не мог уснуть.

– Здравствуйте.

Продавщица ничего не ответила и зачем-то продолжала меня ненавидеть. Как будто именно я был виноват в том, что ее сын плохо учится в школе или в том, что ей приходится работать здесь по ночам.

Может, я вчера пьяный пытался с ней шутить. Или наоборот – она была обижена из-за того, что я был пьяным, а шутить с ней не пытался. Не знаю.

– Можно лимонад вон тот и жвачку мятную, люблю.

Она молча дала мне то и другое.

– Спасибо.

Она опять промолчала.

Наверное, заученные фразы в стиле «хорошего дня» или «ждем вас снова» звучат лучше, чем абсолютное молчание на твое «здравствуйте». Не знаю, почему меня это волновало, но состояние стало еще паршивее. Нужно было поскорее добраться до работы.

Метро было недалеко. Минуты 2 или 3 пешком, которые

показались мне вечностью. Только по пути я догадался проверить, на месте ли кошелек и телефон. Телефон не забыл, деньги были в кармане, значит я их вчера не потерял, что уже было неплохо.

Телефон нервно указывал на пропущенные вызовы с незнакомых номеров. Мне было не сильно интересно, кто меня мог потерять. Жизнь потихоньку уползала из-под ног. Я переставал ее чувствовать, осязать, слышать...

В какой-то момент не брать трубку и редко выходить из дома стало моим любимым занятием.

– Блять, ну ты же можешь быть нормальным! – иногда кричала она.

Наверное, могу. Просто дается это как-то слишком тяжело.

Лодка на середине озера, ребенка бросают за борт. Хочешь жить – выплывешь. Так учат плавать детей, у которых это долго не получается.

Мне же казалось, что меня научили так жить – бросили за борт, но забыли рассказать правила. Не объяснили, как грести, не показали технику. Получается только барахтаться, но я не плыву. Плыть в сраном озере под названием «жизнь» я так и не научился.

Я немного опомнился и понял, что уже находился в метро и покупал жетон. Я научился определять день недели по количеству людей внутри станции. Народу немного, можно было даже присесть на скамейку, – скорее всего сегодня вос-

кресенье. Неплохой для работы день. Я надеялся, что пройдет он относительно спокойно.

Хотелось спать.

Я не успел присесть на свободную скамейку, как уже подъехал поезд. Пришлось перемещать уставшее тело внутрь него. Глаза слипались, но уснуть было тяжело. Я мечтал поспать хотя бы пару минут, но внутренности трясло настолько, что сделать это было почти невозможно.

Если бы только вибрация моего тела совпала с вибрацией поезда... Но мой противник в виде похмелья был слишком силен. Я дрожал и буквально подпрыгивал на сидении.

Хорошо, что сегодня воскресенье, вагон был полупустым. Я мог спокойно сесть и не думать о том, что нужно уступить кому-то место.

Мне хотелось, чтобы этот поезд ехал вечно и никогда не останавливался. Хотелось, чтобы остановки на станциях длились подольше. Я не хотел приезжать, но шершавый женский голос громко объявил о том, что мне пора на выход.

Дорога до работы была еще короче, чем дорога от дома до метро. Я понимал, что мне нужно было выпить, поэтому пришлось через силу ускорить шаг, чтобы поскорее оказаться в месте, которое мне не очень нравилось. Не нравилось все 4 года, что я здесь работал.

На улице было тепло. Пятно на футболке почти высохло. Внутренности чувствовали себя хреново: тело продолжало трястись в бешеном танце, руки дрожали, лимонад не помо-

гал в борьбе с невозможной сухостью во рту. Вспомнил, что относительно давно не курил.

Как только потянулся за сигаретой, послышался новый рвотный рефлекс, но я не перестал за ней тянуться. Да, курящий человек не всегда курит только потому что хочет.

Сигареты была невкусной. Но она отдаляла меня от места, в которое я продолжал ходить по не совсем понятным причинам. Я работал в ресторане и все 4 года обещал себе, что каждый из них будет последним. Каждый год, месяц, день.

Каждый раз обещал и каждый раз просыпался от ненавистного звука будильника. Знакомая вывеска. Мне сюда. Знакомая дверь запасного выхода. По жжению в пальцах я понял, что сигарета закончилась, к сожалению. И я вошел.

Теплое пиво внутри меня переставало действовать, желание снова выпить становилось невыносимым. Я вошел в дверь и направился в сторону зала.

Когда я переступил порог, меня встретил громкий голос. Это был Игорь:

– О, алкаш ебанный приехал!

Что, все настолько плохо?

В ресторане пили все. А если не все, то очень многие. Кто-то пил прямо на работе, кто-то приходил с похмелья. Кто-то был еще пьяным, кто-то был уже пьяным. Я же сегодня

планировал пережить все эти состояния.

Игорь продолжил:

– Только не говори, что ты опять с похмелья. Ты же в прошлый раз в говнище отсюда ушел.

Отвечать не хотелось. Тем более по моему внешнему виду все и так было понятно. Я поздоровался с Игорем, с остальными и без сил завалился на диван в зале.

– Игорь, скажи. Вот че ты до меня доебался? У меня проблемы со сном.

– Да-да, конечно. Кстати, про тебя написали отзыв в книге жалоб и еще выписали штраф за то, что ты не улыбаешься.

Да, я почти никогда не улыбался гостям. Как будто не хватало того, что я их не ненавижу. Я ненавидел свою работу и ненавидел себя за то, что продолжал на нее приходить, но к гостям был положительно равнодушен. Всегда вежливо говорил здравствуйте, до свидания, спасибо и пожалуйста – мне казалось, что этого достаточно.

По уровню сервиса я был на ступеньку повыше продавщицы из того самого магазина. Удивляло, как меня до сих пор отсюда не погнали.

Ресторан был одним из самых дорогих в городе, но каким-то образом мне 4 года удавалось скрывать свой максимальный непрофессионализм и откровенное распиздяйство.

Я бы даже обрадовался, наверное, если бы меня решили уволить, потому что самому покинуть эти стены почему-то не получалось. А штрафы уже давно перестали волновать.

Зарплата у официанта небольшая. Наверное, чуть больше прожиточного минимума. Платили мне в основном гости. Те самые гости, которым я так не любил улыбаться.

Игорь тоже был официантом и тоже хреновым. Наверное, поэтому разговаривал я на работе почти со всеми, но общался только с ним. Примерно две недели назад он решил разом бросить пить и курить. Постепенно у нас заканчивались темы для разговора и отношения стали немного натянутыми.

– Блять. Разве неискренние улыбки до сих пор кому-то нравятся? Почему недостаточно просто быть вежливым?

– Да уж... Долбоеб на долбоебе.

– А кто на баре сегодня работает?

– Хз, не пришел еще.

К столу, за которым сидели мы с Игорем, подтянулись другие коллеги. Скорее всего, чтобы обсудить проблемы политики и понять, из-за кого мы хреново живем именно сегодня.

Мне подобные диалоги не нравились. Я ушел на поиски сегодняшнего бармена, чтобы с ним договориться. Я понимал, что если не выпью в ближайшее время, то постепенно потеряю возможность разговаривать.

Бармена нигде не было. Заняться тоже было нечем: до открытия ресторана оставалось больше часа. Когда нечем заняться, курящий человек идет курить.

Я пошел в курилку, но по дороге встретил Рому – того самого бармена, который должен был мне помочь. Хорошо,

что на смене был именно он. Стало спокойно. Курить все равно не очень хотелось.

Именно с Ромы начались эти 5 или 6 дней. У него был повод напиться, у меня нет. Ему нужна была компания, а я хотел побыть один. Но все равно согласился с ним выпить после работы.

– Здорово, Ромаха.

– Привет. Как сам?

– Не очень. Дело есть, помощь твоя нужна...

– Рассказывай.

– Помнишь ты предложил выпить по кружке пива? Я же говорил, что просто так не смогу остановиться. И вот, я так и не остановился.

– Жестко. Ну прости братан, я не знал, что все настолько плохо. Тем более я предложил выпить после работы, а ты уже на работе был бухущий.

– Зачем ты начинаешь оправдываться? В общем, выручишь?

– Че, прям щас?

На работе пить было почти нельзя. Но было воскресенье – из начальства никого нет, а мне было очень плохо. Я придумал план, с которым меня вряд ли могли спалить, и я бы остался доволен.

– Да, лучше щас. У тебя коньяк или водка в плюсе есть?

– Коньяка немного, водки дохрена.

– Можешь сделать чай и водки туда бахнуть? Только по-

мощнее.

– Без проблем.

– Но пить я с тобой больше не буду.

– Братан. Ну правда, прости, я ж не знал.

– Забей.

Я знал, что проблема была не в Роме. Понимал, что это все равно бы случилось. В последнее время даже самая безобидная пьянка сводилась к алкогольному марафону. А в итоге и к таким рабочим дням, как сегодня.

Рома сделал чай по моему рецепту, и я отнес его в кладовку, в которой постоянно все тусовались. Я убил двух зайцев. Вряд ли кто-то догадается мой чай понюхать и от меня самого будет меньше пахнуть. План был хорош.

Я сразу налил себе чашечку своего чая. По аромату было сложно понять, что в нем водка. Вкус – отвратительный. Пить было почти невозможно, но первая чашка улетела залпом, потом вторая. Тепло вновь растеклось по телу. Голова опять закружилась, но теперь это было относительно приятно. Я присел на диване, чтобы успокоиться. Я снова чувствовал себя более-менее обычным человеком.

Я вспомнил, что хотел курить. Жаль, что это нельзя сделать прямо здесь – в кладовке. Пришлось поднимать свое уставшее тело и нести его в курилку. В курилке я встретил Влада – сушефа. Когда я только пришел в ресторан, он весил на одного некрупного ребенка меньше, чем сейчас. Поэтому было странно, почему его до сих пор не повесили.

– Здравсьте.

– Здорово. Ты че, еще здесь, что ли?

– Сам в шоке.

– Ты же вроде увольняться собирался, на прошлой смене говорил.

Я не сильно помнил, что было на прошлой смене. Рома слишком рано начал наливать, а я, наверное, стал слишком откровенен.

– Да я с первого дня пытаюсь уволиться. Как будто за ногу схватили и не отпускают.

– Да уж.

– А у тебя как? Че насчет той работы?

– Какой работы?

– Ну ты же сам рассказывал. Ресторан какой-то. Тебя позвали шефом, ты думал. Че-то такое точно было.

– Аааа. Это... Да какой тут. Уйдешь, ага.

– Ну, шефом-то поприятней было бы. С тобой в курилке скоро невозможно будет помещаться. Разве не шеф? Шеф.

– Это понятно. А если не получится, сколько сейчас мест закрывается. А назад не примут уже. 2 огрызка еще на шее. В общем, страшно это как-то...

– Мда уж. Вот и я думаю...

Сигарету я не докурил. Выкинул примерно на половине.

Я смотрел на него и не понимал, как эта туша может чего-то бояться. Но боялась. Наверное, как и я. Только чего я боялся и от чего или к чему постоянно бежал, я так понять

и не мог.

Я запутался. Алкоголь иногда помогает ответить на вопросы, похмелье помогает эти вопросы задать. Моя голова снова и снова подкидывала задачи, ответы на которые я не мог найти. Да и стоило ли...

Я запутался настолько, что даже не знал, хочу ли выходить из этого состояния. Очередной приступ меланхолии и желание во всем разобраться заперли меня на пару дней в стенах квартиры, но вопросов оказалось слишком много.

Где же лодка? Наверное, только ей удавалось ловко подплывать на середину озера и подхватывать меня на борт. Пока очередная волна вопросов не захлестнет снова и не выплюнет обратно в воду.

Время двигалось медленно, но все-таки двигалось. Мне же каждое движение давалось с трудом. Ресторан должен был вот-вот открыться, а я уже устал от этого дня, как будто он обещал вот-вот подойти к концу.

Перед открытием официанты должны были выполнить пару банальных обязанностей: протереть пыль, проверить на месте ли салфетки, соль и прочее. Мне достались столы.

Я слишком долго здесь работал, чтобы протирать их качественно или хотя бы нормально. Я знал, где именно администратор будет проверять их на чистоту, поэтому просто сделал мокрыми именно эти места – без энтузиазма и особого рвения.

Пожалуй, это единственная форма протеста, которая мне

оставалась: плохо делать нелюбимую работу. Люди по всему миру гибли и гибнут за идею, сражаются за свои права. У меня же оставались силы только на борьбу с почти ежедневным похмельем. Не знаю, на сколько меня хватит, но пока я побеждал. Пока у меня был мой чай, я продолжал бороться.

Я прошелся полусухой тряпкой по столам. Остальные работники ресторана медленно готовились к началу рабочего дня, я делал это медленнее всех. Нужно было идти переодеваться. Засовывать тело в красивую, но мятую рубашку, надевать истоптанные, но относительно чистые ботинки.

В раздевалке висело зеркало. Я посмотрел в него и решил, что сегодня смотреть в него больше не стоит. В отражении показалось не очень красивое лицо с жалким подобием легкой небритости. На меня смотрел уставший и потасканный человек, а мятая рубашка никак не добавляла позитива этому образу.

Нужно было одеваться. Я не заметил, как немного опьянел, поэтому было трудно натянуть штанину, стоя на одной ноге. Справился я попытки с пятой. Получилось даже посмеяться над самим собой. Перед выходом в зал настроение чуть поднялось. Хотя, скорее всего, это просто действовал алкоголь.

Время 12:00

День начался. Я не очень любил, когда на часах станови-

лось 12:00. Это означало, что назад пути уже нет. Впереди ждали 12, 13, а может быть, все 15 часов не самого легкого и приятного труда.

Успокаивало только то, что было воскресенье. Может быть, первые гости придут нескоро и рабочий день начнется все-таки немного позже.

В кладовке был диван. Кожаный диван, на который можно было прилечь, когда в зале не было гостей.

Глаза слипались от усталости, стабильного недосыпа и истощения алкоголем. Кожа у дивана была такой холодной, но я словно нырнул в мягкое облако. На секунду промелькнула надежда на то, что смогу ненадолго уснуть. Но тело продолжало трясти, поэтому про сон можно было забыть. Тем более что пришла Лена – администратор – и молча легла рядом со мной.

Диван постепенно стал теплым, глаза закрывались все крепче. Я невольно приобнял ее, она была не против. Я ощутил знакомое тепло. Оно явно исходило не от дивана.

Затем я ощутил резкий запах. Это ноги Лены пахли работой. Из ее рта тоже пахло не очень, но это было неважно. Я понимал, что мне определенно не хватало этого тепла. Даже такого – пахнущего работой и диваном из дешевой кожи.

Я даже на секунду забыл про свой чай и про то, что его иногда нужно пить, чтобы дожить до вечера. Лена вмешалась в мои уютные мысли и толкнула в бок:

– Дыхни.

Ни в чье лицо я дышать не собирался. И так было понятно, к чему все идет.

– Ой, Лен, только не начинай.

– Че за запах?

– Так пахнет молодость.

– Серьезно? Я думала, молодость пахнет немного по-другому. И запах такой, как будто ты выпил только что.

– Знаешь, я могу пойти домой.

– Ну нет. Будешь работать, куда ты денешься. Причем раньше я тебя тоже не отпущу.

Я знал, что мне ничего не будет. Максимум мне могли влепить штраф, а на них я давно перестал обращать внимание. Подменить меня тоже было некому. Меня ждала лишь лекция о неправильном образе жизни и то не факт. В любом случае я не особо переживал.

В последнее время мне было глубоко наплевать на самого себя, неужто меня должны были волновать нравоучения остальных людей. Да и о каком правильном образе жизни можно было говорить, работая в общепите.

Странно, что Лена не обратила внимания на мой чай. Хотя он стоял на столе, довольно близко к ней. Его запах чувствовал даже я своим прокуренным и пропитым обонянием.

Раздался звонок. Этот звук означал, что пришли первые гости. Зачем-то я надеялся, что сегодня их вообще не будет. Нужно было подниматься с дивана и идти, Лена вышла из кладовки первая. Я долил остатки чая в кружку, выпил зал-

пом и отнес чайник на бар. Рома согласился налить еще.

Мои первые гости уже прошли внутрь. Я начал их разглядывать, чтобы понять, что они из себя представляют. Не со зла, не из-за меркантильности или жадности. Простая официантская привычка.

Это была зрелая парочка. Наверное, муж и жена. С самого входа они начали пялиться на разные штуки, которые были разбросаны по ресторану.

Посмотреть и правда было на что. Ресторан назывался «Джек Лондон» и был напичкан разными прибрлудами на морскую тематику: штурвалы, кораблики и прочая хрень – они были повсюду.

Скорей всего, моя парочка была здесь впервые, потому что тошнить от всего этого морского фанатизма начинает уже на второй раз. На пятый год работы здесь понимаешь, что пиратом или командиром корабля ты уже точно никогда не станешь.

Еще эта музыка идиотская... В плейлисте ресторана было 12 или 13 песен, их не меняли уже года 2 или 3. Спустя время ты перестаешь обращать на них внимание, но знаешь наизусть и невольно начинаешь подпевать. Идиотизм. Главное не услышать одну из этих песен вне работы, иначе резко заболят уши и голова. Казалось, все в этом ресторане было создано, чтобы потихоньку сводить меня с ума.

Парочка продолжала слоняться по ресторану, рассматривая разную морскую утварь. Женщина вставала в позы раз-

ной степени уродливости. Мужчина без энтузиазма нажимал на кнопки и ее фотографировал. Для подобных парочек поход в ресторан был очень важным событием, поэтому частенько они фотались до тех пор, пока на телефоне не заканчивалась память.

На мужчине был неуклюжий пиджак. Было видно, что пиджак этот был довольно старым, в принципе, как и сам мужчина. Несмотря на свою старость, пиджак выглядел почти неношеным, чего нельзя было сказать про мужика.

Не знаю, сколько продолжалось все это представление в виде фотосессии, но мне это порядком надоело. Удивительно, как ненависть к самому себе может перерасти в ненависть почти ко всем окружающим тебя людям и событиям.

Я не хотел на все это смотреть, поэтому решил удалиться, чтобы выпить немного своего чая и успокоиться.

Стало лучше. Когда я вернулся в зал, парочка все еще гуляла по ресторану. Разглядывал их не только я. Персонал общепита всегда следит за гостями. Смотрит оценивающе, иногда осуждающе, как в этом случае. Судить по одежке начинаешь здесь поневоле, просто так. Просто так делишь людей по рангу, статусу и внешнему виду. Общепит – это зона узаконенного лицемерия, и я был частью ее. Стоял тут поддавший, в мятой рубашке и тоже осуждающе смотрел на пару взрослых людей, которые просто пришли отдохнуть.

Наконец они прекратили фотографироваться и все-таки решили сесть за стол. В ресторане было несколько мест, ко-

которые отличались от других и были сделаны в стиле полноценной каюты. Разумеется, все гости хотели попасть именно туда.

Я взял меню и пошел на встречу к своим гостям. Они с ходу встретили меня вопросом:

– Здравствуйте, а каюта свободна?

Дама расплылась в улыбке.

– Добрый день. Да, конечно.

Я расплылся в идиотской улыбке в ответ. Хотя я не любил все, что было связано с этим местом, все еще сохранил остатки доброжелательности и минимального воспитания. По крайней мере, мне так казалось.

Вдобавок немного действовал чай. Наверное, часа через два я буду готов эту даму обнять и поговорить по душам. Прямо в этой сраной каюте.

– Миша, пойдем.

И Миша пошел. За все время, что эта парочка находилась в ресторане, он не сказал ни слова. Молча шел за дамой, молча фотографировал, молча заходил в каюту. Во всем Мише звук издавала только газета, которая шуршала у него под мышкой.

Нужно было подать меню. Я знал, что каюта тесная, и мне было необходимо сохранять дистанцию, чтобы гости не учуяли подозрительный запах.

Приходилось стоять примерно в метре от стола. Выглядело это немного странно и неприветливо, но по-другому ни-

как.

Я подал меню, и женщина сразу начала говорить. Громко и быстро:

– А мы к вам в первый раз пришли. Так у вас все интересно, знаете.

Про первый раз можно было и промолчать. Это было видно по Мишиному пиджаку.

– Прекрасно.

Уплыл я в идиотской улыбке второй раз.

– Может, что-нибудь посоветуете?

Не то чтобы этот вопрос застал меня врасплох. Просто советовать что-то я не очень любил. Да и слова в этот день давались мне с огромным трудом. Нужно было экономить энергию и меньше тратить ее на разговоры. На разговоры с гостями – тем более. Благо у меня всегда имелся план на такие случаи.

– У нас очень большое меню. Я оставлю его вам. Почитайте, изучите, выберите, а потом нажмите на кнопочку. Я приду и что-нибудь подскажу. Женщина согласилась.

Я ушел из их каюты обратно в зал. В зале был Игорь.

– Че, опять пехота?

Пехотой называли гостей, от которых вряд ли можно было ожидать чаевых. Вообще, почти всех гостей как-то называли. Но пехота всегда была пехотой. Человек мог быть бесконечно приятным, добрым, все время говорить спасибо, хвалить кухню и сервис. Но если он не оставлял на чай, то ав-

томатически попадал в этот список.

– Естественно. Кто еще мог прийти в воскресенье утром.

– Но тебе вроде хорошо. Второй чайник пошел.

– Ты не пьешь две недели и уже начал презирать алкоголиков? Наверно, скоро будешь смотреть вебинары и ходить на курсы успешных людей.

– Неважно, но развиваться как-то надо.

– Игорь, ты официант. О каком развитии может идти речь?

– Лучше быть, как ты? Ты только и делаешь, что ноешь и бухаешь.

– А почему нет? Может, это единственное, что мне осталось. Меня бесят эти стены, эти кораблики. Меня даже ты бесишь, потому что тебя здесь по ходу не бесит ничего. Я пытаюсь придумать план побега. Надо валить отсюда, пока не поздно.

– Ты говорил то же самое, когда я сюда пришел. А было это полтора года назад.

– Да уж. Пойду лучше выпью.

И пошел. Меню ресторана было реально огромным. Пока моя парочка доберется до чего-нибудь не сильно дорогого, пройдет много времени. Главное, чтобы они не захотели выпить кофе. Вряд ли я сейчас справился бы с тем, чтобы его вынести.

Одна из главных проблем официанта с похмелья – трясущиеся руки. Мои конечности продолжали дрожать, как я ни

пытался их успокоить. Трясло все тело – то от холода, то от жара. Но руки тряслись сильнее всего.

В принципе, я мог вполне нормально работать с похмелья, уже привык. Но руки выдавали. Самое сложное – вынести чашку кофе. Она буквально подпрыгивала в руках. Даже какой-нибудь сраный суп было тяжело нести, потому что он постоянно норовил выплеснуться наружу.

Приходилось выкручиваться. Можно было взять чашку двумя руками, но выглядел ты как стажер или просто как идиот. А ложка на блюде все равно подпрыгивала и гремела, что сразу тебя выдавало. Часто я просто просил коллег отнести чашку кофе за конкретный стол, ссылаясь на неотложные дела. А иногда говорил гостям, что кофе-машина сломана и кофе сегодня не будет.

Чтобы руки не тряслись, нужно пить. На некоторое время эта дрожь проходит и можно работать дальше. Я выпил. Выпил залпом, чтобы не ощущать противный вкус водки, которая скопилась на самом дне чайника.

Звонок не звенел. Гости наверняка еще выбирали, так что можно было смело пойти покурить.

Сигарета сначала не хотела зажигаться, потом не хотела куриться. Вернее, я не особо хотел ее курить, но продолжал делать затяжки. Почему-то стало грустно. Вместе с похмельем за мной гонялись перепады настроения и приступы самокопания.

Зачем я вообще приехал в этот город? Это было относи-

тельно давно, и изначальная цель переезда уже как будто позабылась. Город оказался не лучше старого, новые друзья – не лучше предыдущих, диплом бесцельно пылился в шкафу вместе с какими-то справками и неинтересными документами.

Сигарету я не докурил даже до половины: в курилку вошла Лена и начала кричать. Она всегда кричит.

– Блять, почему я должна искать тебя по всему ресторану?!

Как будто я мог быть где-то еще, кроме кладовки или курилки.

– Иду.

Гости нажали на кнопку, значит, были готовы сделать заказ. Я был готов его принять лишь относительно. Без особого удовольствия и оптимизма. Улыбку пришлось не сильно, но натянуть. Вошел в каюту и поздоровался:

– Снова здравствуйте.

– Добрый день. Снова.

Женщина продолжала улыбаться. То ли мило, то ли мерзко и противно – я так и не уловил этой тонкой грани. Миша же продолжал пялиться в свою газету и встряхивать ее тем самым движением, чтобы страница была прямой.

– Выбрали?

– Да, мы выбрали. Только подскажите один момент. А вот бриоши с красной икрой

– это вкусно?

Я почувствовал усталость. Я хотел зайти в каюту, записать заказ и выйти из нее, но это не входило в планы женщины. Могут ли быть невкусными пирожные с икрой стоимостью 210 рублей за штуку? Я не знал ответа на этот вопрос, но ответил уверенно:

– Да, конечно. Очень вкусные.

– Ну, вы их не записывайте. Нам просто интересно было.

Миша снова встряхнул свою газету. Было заметно, как его интересовало происходящее вокруг.

– Хорошо, не записываю.

– А вот каре ягненка из Новой Зеландии – свежее?

Мне все больше начинал нравиться Миша. Нравилось, что вопросов он не задавал. Он вообще не говорил, и я так и не узнал, как звучит его голос. Он сидел, молчал и продолжал встряхивать свою газету.

Через силу, но пришлось продолжить этот диалог:

– Привозили вчера или позавчера. В общем, недавно.

– А вы можете уточнить на кухне?

– Конечно.

За время работы в общепите я привык соглашаться со всеми просьбами гостей. Даже с самыми идиотскими. Главное соглашаться – выполнять их совсем необязательно.

Я вышел из каюты, завернул за угол, чтобы парочка меня не видела. Постоял немного за стеной, поговорил с Игорем о чем-то неважном и неинтересном и вернулся. Конечно, спрашивать на кухне я ничего не стал.

– Уточнил. Каре привезли позавчера.

– Отлично. Его будет Миша, запишите...

Женщина продолжала диктовать заказ. Я что-то машинально записывал в свой блокнот. Она быстро говорила, а Миша продолжал громко молчать. От нее так вкусно пахло. Вкусно, недорого и искренне: какими-то ягодами или конфетами. Пахло настолько сильно и приятно, что я вообще не понимал, что она там диктует и говорит.

Мне нельзя было уходить в себя, выдавать свое состояние и отключаться даже на секунду. Но этот запах... Я невольно снова вспомнил о ней. Выйди из моей головы. Сейчас точно не до тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.